

ЯНА ГУЛЮШКИНА

аспирант философского факультета Института восточно-европейских исследований, Карлов университет в Праге (Прага, Чешская Республика)
guljuskina@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАВМА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на примере романа «Оправдание» Д. Быкова)

Современная литература рассматривается как возможность вернуться к тем историческим событиям, которые присутствуют в настоящем как травма, и – вопреки устоявшимся культурным и социальным стереотипам в отношении к прошлому – находить способы не только для постоянного «повторения» травмы, но и для ее «проработки» (поиска критической дистанции от травмы). Предметом для рассмотрения стал роман «Оправдание» (2005) Дмитрия Быкова, посвященный травматическому схождению в национальной памяти Второй мировой войны и сталинизма. В романе автор использует постмодернистскую поэтику парадокса и провокации для художественно заостренной постановки проблем мифологизации исторической памяти, трагических последствий сталинского террора, «оправданного» победой, для современного общества.

Ключевые слова: историческая травма, память о прошлом, современная литература, Дмитрий Быков, роман «Оправдание»

В истории каждого народа есть события, которые живо присутствуют в настоящем. Это победы и поражения, подвиги и унижения, эпизоды, о которых вспоминают с гордостью, и те, о которых хотелось бы забыть, но, к сожалению, это невозможно: «Исторические травмы, обусловленные не военными действиями, а актами эксплуатации людей, антигуманного обращения с ними и их уничтожения, не исцеляются забвением» [1: 48].

Травматическим прошлым не всегда становятся поражения. Иногда разгром может вызвать мощную волну национального подъема, укрепляя «чувство общности перед лицом внешнего давления» [1: 40], и наоборот, победа может препятствовать осмыслению преступлений, которые за ней скрываются.

В России под словами «война» и «победа» подразумевается Великая Отечественная война, Великая Победа. За многие годы в сознании людей укрепился определенный образ этой войны, она стала «элементом коллективной идентификации, точкой отсчета, мерилом, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти – понимания настоящего и будущего» [4], стала «предметом мифологизации» [13].

Алейда Ассман пишет о травме в связи с немецким обществом, которое проявило беспредельное насилие по отношению к определенным группам лиц и целым народам и стало обществом не только побежденным, но и преступным. Но «бессознательная стратегия недопущения травмирующего события в сознание пациента» [1: 58] наблюдается и в обществе победителей, ведь российское общество настойчиво избегает осознания того факта, что победа была тесно переплетена со сталинским террором, беспредельным насилием над собственным народом. В личности победителя забыта личность палача, и факт массового истребления собственного народа стал травмой,

которая за собой влечет повторение неосознанного прошлого, так как именно отсутствие однозначного осуждения преступлений Сталина не дает «справиться с болью памяти ради общего и свободного будущего» [1: 44]. Наоборот, от высших политических представителей звучат слова об «излишней демонизации Сталина» [8].

Мемориальные акты в память о репрессированных не сравнимы ни с масштабом, ни с однозначностью празднования Победы. 30 октября отмечается День памяти жертв политических репрессий в СССР. В этот день в 2017 году был установлен мемориал «Стена скорби», но его безличные надписи «Помни» не указывают на осуждение и огласку виновного (своей неопределенностью они похожи на советское «Никто не забыт, ничто не забыто» – фразу из стихотворения О. Берггольц, которая стала общим лозунгом памяти о войне). Наоборот, День памяти жертв государственного террора, который отмечается 5 августа в карельском Сандармохе без участия официальных лиц, проходит с большими трудностями, так как не соответствует общепринятому подходу к прошлому. (Более того, продолжается судебное разбирательство над руководителем карельского отделения общества «Мемориал» Юрием Дмитриевым.)

Польский социолог П. Штомпка [10] пишет, что общество или настойчиво культивирует воспоминания, укрепляя этим старые образы, или стремится к культурной реконструкции, новому подходу к прошлому с возможностью осознать и отстранить историческую травму. Как показывает М. Липовецкий (на основе схемы американского культуролога Д. ЛаКапры) [7], аналогичные отношения с травматическим прошлым выстраиваются и в литературе. С одной стороны, это разыгрывание травмы (постоянное повторение), с другой – ее проработка (поиск критической

дистанции от травмы). Исторические катастрофы видятся как возможность попытаться проникнуть в «*другое* сознание и состояние» [7], и критическая дистанция в проработке исторических травм является ключевой, она возникает «из неравенства субъекта самому себе (а автора – герою или повествователю), из отказа от бинарных оппозиций; из неприятия ожидаемых, то есть стереотипных, решений; из ограничений, накладываемых авторами, принимающими сомнение в собственном высказывании в качестве главного эстетического и этического принципа» [7].

Наблюдается ситуация, в которой общество парализовано «частичной амнезией памяти» [11], прошлое конструируется с помощью стереотипов и оппозиций «мы – они», с чертами «компенсации и имитации» [5], война мифологизируется посредством героического дискурса и патриотических мотивов, определяющих «правильные жизненные ценности» [13], и в этом процессе «перманентной войны» [5] насилие в обществе воспринимается как привычная обыденность. Но, с другой стороны, существует глубокий культурный пласт, в котором нашли свое отражение страшнейшие моменты прошлого. Уже в военное время возникали тексты не только о подвигах и славе. После смерти Сталина снимались первые табу, писалось про стратегические ошибки, чистки в армии, потери, судьбы военных, которые из немецких лагерей попадали сразу в ГУЛАГ, жизнь советских евреев, поведение советских военных по отношению к гражданскому населению на территории Германии. Литература запечатлела жизнь в лагерях (В. Шаламов, А. Солженицын). Некоторые тексты официально выйти не могли, появлялись в самиздате, тамиздате или только в 90-х годах. Литература всегда открывала самые страшные события и их последствия, изменения в поведении общества, где табу остается фоном, основой, неизбежностью. Она не отставала от истории и постоянно возвращалась к личности самого Сталина.

Литературный интерес к советскому прошлому в настоящем тоже велик, подтверждением тому – новые произведения о старых травмах, которые в литературе уже нашли свое отражение. Эти книжки пользуются читательским спросом и становятся лауреатами литературных премий. К примеру, победителями премии «Большая книга» стали: роман «Зимняя дорога» Л. Юзефовича (описывает исторический период 1922–1923) – в 2016 году, книга Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (начинается ссылкой в 1930 году) – в 2015 году, роман З. Прилепина «Обитель» (Соловецкий лагерь 20-х годов) – в 2014 году.

Наблюдается даже стремление донести моменты прошлого до детского читателя. Юлия Яковлева задумала целую серию книг об истории под названием *Ленинградские сказки*, из которых о сталинских репрессиях повествует книга «Дети ворона» (2016), где глазами мальчика Шурки передается, что с его родными и страной тво-

рит «Ворон». Публикуются и переводы – книга русского художника Евгения Ельчина «Сталинский нос» (2013, перевод из английского *Breaking Stalin's Nose*), наряду с новыми изданиями старых текстов – «Девочка перед дверью» (2015, впервые 1976) М. Козыревой.

Если взглянуть на постсоветское литературное пространство в целом, то и здесь заметен интерес к советскому прошлому. В романе «Музей покинутых секретов» (2009, Музей брошенных секретов) украинской писательницы О. Забужко заново создается принудительно забытая история страны: прошлое неожиданно становится частью жизни в настоящем, требуя отдачи долгов, огласки давних преступлений и подвигов. Очень похожий подход к прошлому наблюдается и в творчестве эстонско-финской писательницы С. Оксанен: ее романы про историю Эстонии («Очищение», 2008; «Когда исчезли голуби», 2012) посвящены неоднозначности прошлого, моменту стихийности в человеческой жизни, сложной проблематике виновности. Польский журналист Яцек Хуго-Бадер в книге «*Dzienniki kołymskie*» (Колымские дневники, 2011) рассказывает о судьбах жителей Колымы, которую он посетил. Особый метод пересказа услышанного использует в своих книгах *Голоса утопии* и белорусская писательница Светлана Алексиевич, лауреат Нобелевской премии.

Литературу можно делить по-разному: на хорошую и плохую, на сложную и простую, на высокую и массовую, понимая при этом, что все рамки используются условно. Если придерживаться мысли, высказанной Липовецким про разыгрывание травмы и ее проработку, то первое можно наблюдать в успешных романах «Обитель» (2014) или «Зулейха открывает глаза» (2015). В романе про Зулейху после насыщенной первой части читатель вместе с героиней следует из татарского села в ссылку на Ангару, что как будто бы соответствует всем устоявшимся шаблонам про счастливую советскую жизнь. В отличие от этой книги роман «Оправдание» (2005) Дмитрий Быкова противоречит читательским ожиданиям в том, что касается изображения прошлого. Далее этот роман будет рассматриваться как одна из возможностей проработки травмы.

Дмитрий Быков (1967) – журналист, преподаватель, автор многих предисловий, послесловий, комментариев, такой «... универсальный чернорабочий российской словесности в самом широком понимании этого слова» [2]. Поэт и писатель. Упрекают его во многом: в спешке, с которой он пишет невероятное количество текстов, в неуважении к языку. По мнению С. Хазагеровой, например, именно в романе «Оправдание» Дмитрий Быков «продемонстрировал редкую нечувствительность к родному языку на всех его уровнях – лексическом, морфологическом, синтаксическом» [9].

Кроме того, критики осудили Быкова за то, что он не придерживается исторических фактов.

Быков смешивает настоящих исторических персонажей и настоящие события с вымышленными и тем самым как будто бы искажает историю. В романе «Оправдание» появляется Исаак Бабель, которого на самом деле арестовали в 1939 году и расстреляли. Но в романе Бабель после ареста поступает в особый отдел смертников и после войны появляется в Москве, где он встречается с Ильей Эренбургом и Юрием Олешей. Не каждый готов признать за автором право поступать так с собственной национальной историей: «Читаешь и, можно сказать, глазам своим не веришь. Что это за парад уродов?! И почему реальная история и реальные люди должны быть марионетками в этом странном, безграмотном и безнравственном, садомазохистском балагане?!» [8].

Но если на вопрос «исторической правды» посмотреть с точки зрения «исторической травмы» (в понимании Липовецкого), то ее проработке способствует не повторение, а именно критическая дистанция. Был о неотъемлемом и несомненном прошлом предоставляет автору возможность в поиске причин давних злодеяний скорее задавать принципиальный вопрос о том, знаем ли мы на самом деле, что тогда было, хотим ли мы это знать: «...Автор выносит на рассмотрение колоссальную проблему – проблему отечественного понимания истины. Внутренняя противоречивость идейной и эстетической конструкции романа призвана, надо полагать, заострить внимание читателя на контрасте между нынешним мифологизированно-идеологизированным восприятием нашего длящегося в настоящем прошлого и этим же прошлым/настоящим самим по себе» [6].

В романе «Оправдание» Быков возвращается к сталинским репрессиям, которые повлияли на все общество. Автор не ограничивается одним персонажем, плетет паутину общества, где слово «арестован» играет роль нити – берут не только молодых мужчин, берут и старух, и даже подростка-калеку. Эта паутина со временем только растет и влияет на жен и детей арестованных, даже на их внуков. Их тяготят давние события, приводя к вопросу о логике в выборе репрессированных, которые обвинялись в абсурдных преступлениях, подвергались жесточайшим пыткам и в сконструированных процессах приговаривались к смертной казни или десяткам лет тюрьмы. Как будто бы логика выбора жертв может внести в трагическое прошлое хоть какой-то смысл. Имя Сталина не упоминается, но для слова «он» «расшифровка не требовалась» (31)¹.

Роман предлагает объяснение, что чистки работали определенным фильтром для общества. Ведь советское общество нуждалось не в слабых, которых можно пытками принудить к любому признанию, а в тех, кто вопреки нечеловеческому испытанию настойчиво отказывается сознаться в том, что не совершал. Такие люди в определенном смысле рассматриваются как «сверхлюди», но также и как ходячие мертвецы. Они больше не заключенные, а смертники, лица, которых можно на случай войны использовать при выполнении

тех задач, с которыми бы простой смертный не справился: «Проверялась-то вовсе не способность терпеть боль: проверялась способность стоять на своем в заведомо безнадежной ситуации» (49).

Быков затрагивает тему расправы над невиновными людьми и показывает ее фатальность для всего общества. Стремясь найти логику в беспощадном прошлом, он показывает, что главное не ответы, а сами вопросы, сам взгляд назад. Игра с трагическим прошлым видится как возможность «критической дистанции», как о ней пишет Липовецкий, возможность не повторять заново много раз написанное, а подойти к репрессиям по-другому. Игровое начало проявляется не только в свободном отношении с историческими фактами, но и в саркастическом взгляде на советские реалии: «Он убежден был, что работает на благо Родины, что лучше его страны нет на свете, и что издеваться над людьми здесь не будет никто и никогда» (10), «И когда ему пригрозили, что возьмут жену, он опять не понял, потому что жене было двадцать два года, а дочери на двадцать лет меньше, и он представить себе не мог, чтобы в его стране были возможны такие фашистские методы дознания» (11).

Быков показывает, как пытки, аресты и дезинформация деформируют не только человека, но и само общество. Он приводит символическую параллель между прошлым и настоящим, когда главный герой историк Рогов в поселках под названием Чистое ищет следы «смертников», а находит тех, кто в настоящем добровольно живут как заключенные, сами себе создают бессмысленные правила, за нарушение которых придумывают себе наказания и в процессе пыток и боли испытывают извращенное наслаждение. Потребность общества в насилии остается, и образ парня, над которым издеваются в армии, можно понимать как метафору всего народа: «Жертва могла выжить только одним путем – сживаясь с этой ролью и находя в ней наслаждение, такую жертву никогда не добивали до конца, ибо она была нужна снова и снова» (91). Таким образом, вопреки игре с фактами и значениями, возникает вполне реалистичная картина современного мира, который, как и главный герой Рогов, безумен. Корни этого безумия вырастают из прошлого, которому вместо осознания присваиваются ложные объяснения и оправдания, где продолжает браться верх страшная сила, и «сила эта сильна до тех пор, пока мотив ее неясен и действия непредсказуемы» (86).

Роман строится на парадоксе (ведь очень серьезное и трагическое становится материалом для игры со смыслами), аллегории (психически больной главный герой, к тому же еще и историк, как аллегория больного общества и его истории), провокации (игра с реальными судьбами исторических личностей) и своего рода «игре в квадрате» (главный герой историк Рогов становится автором историй остальных персонажей). Выдумка здесь оправдана стремлением коснуться исторической травмы, заново ее открыть и увидеть. И это в данном контексте не так уж и мало.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Быков Д. Л. Оправдание: Роман; Орфография: Опера в трех действиях; Остроумов, или Ученик чародея: Пособие по левитации. М.: ПРОЗАИк, 2011. 992 с. Цитаты даются в статье в круглых скобках с указанием страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
2. Балакин А. Д. Быков. Блуд труда // Критическая Масса. 2003. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2003/2/balak.html> (дата обращения 01.07.2017).
3. Бержлян Е. Прорвать заграждение: блокада Ленинграда как символ и опыт // НЛО. 2016. № 1 (137) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/1/prorvat-zagrazhdenie-blokada-leningrada-kak-simvol-i-opyt.html> (дата обращения 22.03.2017).
4. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5-pr.html> (дата обращения 01.07.2017).
5. Зверева Г. Вечная война // Критическая Масса. 2005. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/zv7.html> (дата обращения 30.03.2017).
6. Иванецкая Е. Преступление и оправдание // Дружба народов. 2001. № 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/7/tech_ivan.html (дата обращения 06.02.2017).
7. Липовецкий М. Пейзаж перед // Знамя. 2013. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/5/114.html> (дата обращения 21.10.2017).
8. Соколов М. Сталин и Путин: нет места человеку // Радио Свобода. 23.6.2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/28575107.html> (дата обращения 01.07.2017).
9. Хазагерова С. «У них там были забавные представления о писательстве...» // Знамя. 2001. № 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/9/hazger.html> (дата обращения 06.02.2017).
10. Штомпка П. Социальное изменение как травма: (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/19004905.html> (дата обращения 24.03.2017).
11. Khapaeva D. Geschichte ohne Erinnerung. Zur Moral der postsowjetischen Gesellschaft. Eurozine, 10.12.2008. Available at: <http://www.eurozine.com/articles/2008-12-10-khapaeva-de.html> (accessed 03.05.2017).
12. Kratochvil J. Uvědomit si vzpomínky, to vyžaduje příběhy. HOST. 2014. Roč. XXX. Č. 2. S. 42–45. Available at: <http://casopis.hostbrno.cz/archiv/2014/2-2014/uvedomit-si-vzpominky-to-vyzaduje-pribehy> (accessed 27.04.2017).
13. Scharlaj M. Krieg als Norm? Russlands patriotische Erinnerung und heroische Diskurse // Zeitschrift für Slawistik. 59. 2. P. 222–237. Berlin: Akademie-Verlag, 2014.

Guljuškina J., Charles University in Prague (Prague, Czech Republic)

HISTORICAL TRAUMA IN CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE (based on the novel “Justification” by D. Bykov)

Contemporary Russian literature is seen as an opportunity to return to those historic events that currently appear as a traumatic experience. In contrast to the established cultural and social vision of the past, contemporary literary works find ways to replicate trauma, as well as to study it (through the search for a critical distance). To illustrate this, we focus on the novel “Justification” (2005) by Dmitry Bykov. The novel deals with the traumatic conjunction of the World War II and Stalinism in the national memory. In his work, D. Bykov resorts to the paradox and provocation, typical for postmodern works, to emphasize the problems of historical memory mythologization and the evils of Stalin’s Terror, which found “justification” in the victory over Nazi Germany.

Key words: Historical trauma, memory of the past, contemporary literature, Dmitry Bykov, the novel “Justification”

REFERENCES

1. Assmann A. The Long shadow of the past: Memorial culture and the politics of history. Moscow, 2014. 328 p. (In Russ.)
2. Balakin A. Dmitry Bykov. Forgiveness of labor. *Critical mass*. 2003. No 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/km/2003/2/balak.html> (accessed 01.07.2017). (In Russ.)
3. Bezhljan E. Break through the barrier: the blockade of Leningrad as a symbol and experience. *New literary review*. 2016. No 1 (137). Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/1/prorvat-zagrazhdenie-blokada-leningrada-kak-simvol-i-opyt.html> (accessed 22.03.2017). (In Russ.)
4. Gudkov L. “Memory” about the war and the mass identity of Russians. *An emergency stock*. 2005. No 2–3 (40–41). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html> (accessed 01.07.2017). (In Russ.)
5. Zvereva G. Eternal war. *Critical mass*. 2005. No 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/zv7.html> (accessed 30.03.2017). (In Russ.)
6. Ivanitskaya E. Crime and Justification. *Druzhba narodov*. 2001. No 7. Available at: http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/7/tech_ivan.html (accessed 06.02.2017). (In Russ.)
7. Lipovetsky M. The landscape in front of. *Znamya*. 2013. No 5. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/5/114.html> (accessed 21.10.2017). (In Russ.)
8. Sokolov M. Stalin and Putin: There is no place for man. *Radio Svoboda*. 23.06.2017. Available at: <https://www.svoboda.org/a/28575107.html> (accessed 1.7.2017). (In Russ.)
9. Hazagerova S. “They had funny ideas about writing there...”. *Znamya*. 2001. No 9. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2001/9/hazger.html> (accessed 06.02.2017). (In Russ.)
10. Sztomпка P. Social change as a trauma: Article one. *Social Studies*. 2001. No 1. P. 6–16. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/19004905.html> (accessed 24.03.2017). (In Russ.)
11. Khapaeva D. Geschichte ohne Erinnerung. Zur Moral der postsowjetischen Gesellschaft. Eurozine, 10.12.2008. Available at: <http://www.eurozine.com/articles/2008-12-10-khapaeva-de.html> (accessed 03.05.2017).
12. Kratochvil J. Uvědomit si vzpomínky, to vyžaduje příběhy. HOST. 2014. Roč. XXX. Č. 2. S. 42–45. Available at: <http://casopis.hostbrno.cz/archiv/2014/2-2014/uvedomit-si-vzpominky-to-vyzaduje-pribehy> (accessed 27.04.2017).
13. Scharlaj M. Krieg als Norm? Russlands patriotische Erinnerung und heroische Diskurse // Zeitschrift für Slawistik. 59. 2. P. 222–237. Berlin: Akademie-Verlag, 2014.

Поступила в редакцию 21.11.2017